

“В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то “опознал” меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнувшись от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

— А это вы можете описать?

И я сказала:

— Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.”

Анна Ахматова, “Реквием”

В прошлом году исполнилось 40 лет со дня смерти моего отца. Он умер в одном из лагерей советского ГУЛАГа, не дожив трех месяцев до своего восьмидесятилетия. Что же случилось? Почему человек, всю жизнь творивший добро, должен был умереть в лагере? Кому нужно было, чтобы миллионы людей погибли, как мой отец, или при еще более страшных обстоятельствах? Сегодня, когда времена террора отошли в прошлое, можно только надеяться, что такое больше не повторится.

Мои родители были родом из Австрии. Отец родился в г. Черновцы на Буковине, а мама — в Боснии-Герцеговине. Обстоятельства сложились так, что отцу не пришлось кончить гимназию. Но он выучился на бухгалтера, какое-то время работал по специальности, а потом открыл собственное дело, занимаясь оптовой торговлей продуктами питания. Однажды он поехал закупать сливы в Боснию-Герцеговину. Остановившись в одном доме, он влюбился в красивую девушку, приемную дочь хозяина. Это была моя будущая мать. Они поженились. Отец приобрел в Черновцах четырехквартирный дом с садом. В этом доме родились мои старшие братья (в 1909 и 1911 г.г.), а затем в 1914 году и я.

Мой отец с юных лет состоял в социал-демократической партии Австрии и воспитывал нас в том же духе.

После первой мировой войны по Версальскому договору Буковина отошла к Румынии. Мы учились в румынских школах, но как все жители города, не забывали свой язык и немецкую культуру.

По окончании школы мои братья уехали в Берлин. Один поступил в медицинский институт, а другой — в политехникум. В 1930 году, когда стало известно, что я являюсь членом Союза социалистической молодежи Румынии, передо мной закрылись двери всех учебных заведений страны. Румыния была тогда полуфашистским государством, в котором преследовались не только

социалисты, но и евреи.

Мой отец оказывал большую помощь молодым еврейским рабочим. Так по его инициативе и при активном участии на деньги, собранные в Америке, был построен дом с мастерскими, где молодые евреи учились в средней школе и одновременно приобретали специальность.

В 1930 г. я начала учиться в одной из берлинских школ, которую закончила через четыре года. Таким образом я оказалась свидетелем захвата власти Гитлером. Вместе со своими товарищами из союза социалистической молодежи я приложила немало сил, чтобы противостоять новому режиму. Но наши усилия не увенчались успехом. В 1934 г. я уехала в Париж, где поступила на факультет естественных наук в Сорбонне, одновременно занимаясь бактериологией в медицинском институте.

Когда в 1936 г. началась гражданская война в Испании, мой брат-медик, эмигрировавший к тому времени в Швейцарию, вступил в 1937 г. в интернациональную бригаду имени Домбровского. Он погиб при воздушной атаке на защитников Мадрида. А было ему тогда всего 26 лет. Многие в те годы считали своим долгом защищать испанскую республику, справедливо полагая, что тем самым они борются против Гитлера. Сразу, как только началась вторая мировая война, перестали приходить вести от моего старшего брата. О его судьбе мы уже никогда ничего не узнали.

По окончании университета в Париже я в 1939 г. вернулась домой. В июне 1940 г. Северная Буковина, а с ней и наш родной город Черновцы так же, как и Балтийские страны и Бесарабия, были присоединены к Советскому Союзу в результате пакта, заключенного в 1939 г. между Гитлером и Сталиным.

К тому времени я уже работала в поликлинике врачом-лаборантом. Мой отец давно бросил собственную торговлю и являлся тогда представителем сахарного картеля в Бухаресте, снабжая мелких торговцев сахаром производства местных заводов. Об этом важно упомянуть потому, что в ссылку он попал, как "владелец сахарного завода", о чем мы узнали спустя лет двадцать. Только в 1970 г. нам удалось доказать, что он был всего лишь служащим. Вот такой "маленькой" ошибке мы были обязаны ссылкой, а он сам лагерем и смертью.

Ночью 13 июня 1940 г. нас разбудил звонок у двери. В квартиру ворвались восемь человек военных. Нам был зачитан какой-то текст, из которого я поняла только наши фамилии, так как в то время еще плохо владела русским. Много раз

повторялись слова "20 минут, 100 кг вещей". Мы поняли, что нам дали 20 минут на сборы и разрешили взять с собой сто килограммов вещей. Но принести чемодан с чердака, чтобы сложить вещи, не позволили. К счастью, солдаты, для которых, видимо, подобные ситуации были привычны, начали выбрасывать из шкафов все, что попадало под руку, в расстеленные на полу простыни. Получилось три больших узла — отныне это было все, что мы имели.

С военными был человек в штатском, видимо, из местных ^{де}ужителей. Он говорил по-немецки и спросил меня, что находится в стоящем на столе ящике. В нем был микроскоп, подаренный мне отцом по случаю окончания университета. Узнав, в чем дело, он сказал: "Забирайте ящик, но никому не рассказывайте о содержимом." Благодаря этому незнакомому человеку я сохранила собственное "орудие производства", которое помогло мне найти работу, что спасло нас от голодной смерти в Сибири.

Мы не знали, куда попадем: в тюрьму или в Сибирь. Нас посадили на грузовик, в кузове которого уже сидели две семьи, наши соседи. Начало светать. Проехав через безлюдный еще в это время город, мы оказались на товарной станции. Там нас погрузили в вагон для скота, в котором, кроме нас, было еще 50 несчастных. В вагоне не было ни подстилки, ни нар. В середине вагона была проделана дыра, наша уборная на все время поездки. Мы завесили ее простынями.

Три дня вагон простоял на станции с закрытыми дверями. Мы приобрели ведро, так как раз в день нам выдавали воду, кисель и хлеб. Приходили знакомые из города, приносили еду и книги. Всего в составе было 44 вагона, в каждом — около 50 человек. Под крышей вагона было несколько маленьких окошек: они пропускали мало света, но давали возможность общаться с внешним миром. Так в пути мы узнали о начале войны с Германией. Иногда нам удавалось покупать лук, яйца или варёную картошку. Мы были целиком заняты мыслями и заботами о том, как выспаться, добыть воду, оправиться. Поэтому факт нападения Германии на Советский Союз в свете их фатальной дружбы последних лет почти не привлек нашего внимания, что сегодня трудно понять.

Через две недели этого страшного путешествия нас вывели из вагона на станции Мошково, за Новосибирском и привели в школу (было время каникул), где разместили по классам. Спать приходилось на полу и на столах. Уборной не было: оправиться выходили в лесок рядом со школой. Но после того ада, который мы пережили в поезде, наше теперешнее положение казалась нам довольно сносным.

К тому же мы получили разрешение питаться в столовой городка. Здесь мы впервые увидели беспризорных детей, собиравших остатки еды с тарелок. Видимо, это были дети арестованных “врагов народа”, оставшиеся без присмотра или сбежавшие из детских домов. Впечатление они производили страшное: в лохмотьях, с исхудавшими личиками — это трудно было забыть.

Первоначально нас собирались распределить по колхозам, но война нарушила эти планы, так как надо было расселять эвакуированных. А нас повезли дальше, сначала на Обь, а потом — в глухую северную тайгу. Эти 30 километров до Оби навсегда остались в памяти. Лишь старикам разрешалось ехать на подводах вместе с багажом. Все остальные должны были месить грязь по размытым дождями проселочным дорогам. Каково было нам в городских туфельках! Но вот, наконец, добрались. Старая женщина при виде нашей группы прошептала: “Куда же вас ведут, комарам на съеденье”.

Парохода еще не было, пришлось ночевать на берегу Оби. Впервые за три недели мы смогли наконец помыться в реке, постирать белье. У следовавших по нашему маршруту польских крестьян купили сковородку, чугунок, ложки. Местные жители принесли грибы, которые мы изжарили и с наслаждением съели, впервые за долгое время почувствовав себя людьми. На прибывшем вскоре пароходе уже находились пассажиры, выходцы из балтийских стран, которых наша охрана называла не иначе, как “ворами и проститутками”. Такого же мнения солдаты охраны были и о нас.

А пароход бежал по Оби и мы не уставали любоваться красотами этой широко разлившейся в ту весну реки. По прибытии в местечко Парабель нас пересадили в трюм грузовой баржи, где можно было только сидеть тесно прижавшись друг к другу. На остановках нас выпускали на берег, чтобы раздобыть еду, хотя ее не было и у самих крестьян. Заходя в крестьянские избы, мы с удивлением обнаружили, что в деревнях совсем не было мужчин. На мой вопрос, заданный на ломаном русском языке, где хозяева, в одном месте ответили: “взят как враг народа”, в другом — “взят как трактист”. Видимо, так крестьяне, никогда не слышавшие о Троцком, поняли слово “троцкист”. И еще подумалось, что если уж со своим народом так обошлись, то чего же было ожидать нам, чужестранцам, не владеющим даже русским языком?

На маленькой речушке Чузик нас пересадили в лодку, которой с помощью ^{Рытановича} шеста управлял один из местных крестьян. Вечером мы ~~прибыли на место~~. Нас

высадили посреди настоящей сибирской тайги, и здесь мы сразу познакомились с комарами. Разожгли костер, но стоило отойти от огня, как комары буквально начинали “пожирать” человека. В один из этих дней у одной из пожилых женщин в нашей группе начался понос и она вскоре умерла. Высадившись на берег, мы вырыли могилу и проводили ее в последний путь. Один из крестьян, показывая на лес вокруг сказал: “Наверно, думаете, что это лес — нет, это кладбище. Когда 13 лет назад нас, раскулаченных, везли сюда, многие не выдерживали и умирали в дороге. Здесь их и хоронили.”

Через 8 дней плавания по реке Чузик нас высадили в районном центре, селе Пудино. Тут же на берегу, под открытым небом, мы прошли медицинский осмотр. Проводила его местная фельдшерница, милейшее существо (фамилии не помню). Она лечила мамины фурункулы, образовавшиеся от укусов комаров и отсутствия какой-либо гигиены в пути. Затем нас распределили по колхозам района. Нас поселили без права выезда в село Шерстобитово в 60 километрах от Пудино. Раз в неделю мы обязаны были отмечаться в комендатуре. Паспорта у нас отобрали еще в дороге, вручив взамен бумажки, где значилось, что мы находимся под “гласным надзором НКВД”. Кроме того, нас заставили подписать заявление о том, что мы “по доброй воле” согласны прожить в Сибири 20 лет. Добирались мы сюда почти два месяца.

В деревне мы за 30 рублей сняли квартиру у колхозников. Это были крестьяне из России или Украины, которых после раскулачивания привезли сюда 13 лет назад. Людей привозили нередко зимой, оставляли в тайге под открытым небом. Им приходилось самим на скорую руку сооружать себе жилища. Нам было легче: у нас была крыша над головой.

Нас сразу же послали на уборку хлеба. Вязать снопы — дело как будто пустяковое, но уже спустя некоторое время начала ныть спина, кровоточили руки. А норму — вынь да положь, иначе не выдавали хлебный паек. Мне “повезло”: поднялась температура и местный фельдшер освободил меня от работы. Больше он ничем не мог мне помочь: ни лекарств, ни даже перевязочного материала у него не было, да и диагноза он установить не мог. У меня, повидимому, начинался туберкулез, что было установлено только в 1946 г. в Томске, а в селе Пудино тогда, конечно, и рентгена не было.

Пока нам давали хлеб, а молоко и картошку мы доставали, обменивая свои вещи. Деревенские жили очень бедно, и наши вещи были им очень кстати.

Среди ссыльных были евреи из г. Черновцы, румынские крестьяне из Буковины, а также польские крестьяне. Последние покинули деревню уже зимой 1941 года, поскольку тогда для борьбы с Гитлером создавалась польская армия генерала Сикорского, и поступил приказ об их освобождении. Они тут же соорудили огромные сани, погрузили на них свой скарб, и отправились в путь пешком, хотя морозы в ту зиму доходили до 50 градусов. Румынские крестьяне приживались очень трудно. Они очень тосковали по родине и часто умирали.

Наши городские ~~учителя~~^{системы} имели неплохие специальности, но это никого не интересовало. В том-то и была беда этой системы, что она не использовала людские резервы по назначению и тем самым была осуждена на гибель.

Однажды меня вызвал к себе приехавший из райцентра заместитель начальника МГБ Киселев. Он предложил мне рассказать, о чем говорят между собой ссыльные евреи и почему они ждут прихода Гитлера. Возмутившись, я ответила, что, во-первых, я не доносчица, а во-вторых, почему именно евреи должны ждать Гитлера, который собирался их уничтожить. На это Киселев цинично заявил: "А потому что мы у вас все отобрали, вы теперь нищие, вот вы и должны нас ненавидеть и стараться помочь нашему врагу". Повидимому, он считал, что логика у него "железная". Я сказала, что если бы нам разрешили, мы с радостью пошли бы воевать против Гитлера, но быть доносчицей я не собираюсь. С тех пор меня ни разу не вызывали в органы МГБ, но нас начали преследовать. В 1944 году им удалось посадить моего отца, а меня с мужем ^{и семье} спасли добрые друзья, не подписавшие против нас заявления, которое им предлагали в органах.

С весны 42 года нам заявили, что хлеб будут выдавать только работающим, а на иждивинцев полагалось только по 100 грамм. Я тайком выбралась в Пудино, надеясь устроиться на работу в районную больницу, хотя и знала, что там не было лаборатории. Там мне предложили продать микроскоп, но устроить на работу отказались. Зато в районном ветеринарном участке ко мне проявили интерес. Заведовал участком тогда ветфельдшер **В.И.** Татауров, замечательный человек, как оказалось потом. Таким же хорошим человеком оказался и первый секретарь райкома Тарасенко, не считавший нас, ссыльных, преступниками, и прилагавший все усилия, чтобы устроить нас по специальности. С его разрешения я и начала работать в ветучастке. Благодаря хорошо подобранной библиотеке и присылаемым из краевого ветучастка Колпашево реактивам я довольно быстро овладела новой для меня специальностью.

Это было в апреле 1942 г., а в ноябре того же года меня уволили, якобы, по сокращению штатов, по указанию Райзо. Выяснилось, что заведующий Райзо выразил неудовольствие по поводу того, что принимают на работу детей капиталистов. Два месяца после этого мы прожили в страхе, что с нами будет. Единственным источником существования был лесоповал, но наступила суровая зима, а у нас не было теплой одежды. По непонятным причинам — может быть, по распоряжению Татаурова (об этом уже никогда не узнать) — нам все еще выдавали хлебный паек. Спустя два месяца мы все же обратились к заведующему райисполкомом. Поступило указание вернуть меня на работу. А в 1943 году меня взяли на работу в районную больницу. Несмотря на это, жилось трудно. Зарплаты хватало только на оплату снимаемой у крестьян комнаты (за это с нас брали 100 рублей), на выкуп хлебного пайка и стакан молока в день. По воскресеньям приходилось ~~иногда~~ ходить на базар и продавать вещи, чтобы купить еще какой-нибудь еды. Жили впроголодь, но самое страшное было впереди.

Весной 42 года я получила небольшой участок, на котором первый раз в жизни посадила картошку. Урожай оказался неважным, но все-таки хватило на ползимы. Очень трудно было без своих дров. Мы жили теперь в избенке наших хозяев одни и приходилось топить самим. Это было уже в соседнем поселке Останино.

Нам удалось сообщить свой адрес друзьям в США. Стали приходить посылки: немного жиров, чай и вещи, которые можно было обменивать на картошку. Без этой помощи мы бы не выжили.

На всех фронтах шла ожесточенная война, а мы воевали с голодом и холодом. Но все это было еще ничего, по сравнению с тем несчастьем, которое обрушилось на нас в начале 1944 года. Шестого января был арестован мой отец. Мы уже ждали этого, так как один из наших товарищей по несчастью был арестован в связи с пожаром на бумажной фабрике, сгоревшей до тла. Сначала его отпустили, признав невиновным, но осенью 1943 года вновь арестовали, обвинив на этот раз в самых тяжких преступлениях: шпионаже и контрреволюционной деятельности. Несмотря на страшные избиения он держался 3 месяца, не подписывая обвинений, ~~иногда~~, а потом не выдержал. Однажды, когда я была на работе в амбулатории, я увидела, как он в сопровождении милиционера направлялся в столовую. Я сразу же пошла вслед за ними, села за стол и, пока милиционер разговаривал с буфетчицей, а наш друг стоял ~~иногда~~ к окну раздачи, он успел

шепотом сообщить мне страшную вещь о предстоящем аресте отца и еще двух мужчин из нашей группы. Моего отца обвиняли в связях с американскими социал-демократами. Ясно, что связано это было с посылками из Америки, так как наши тамошние друзья были членами социал-демократической партии. Тогда, в июне 41 года, когда нас повезли в ссылку, все социал-демократы из нашего города, за исключением моего отца и еще двух товарищей, были отправлены прямо в лагерь. Без приговора суда, по решению "особого совещания". Среди них были и тяжело больные, которым недолго пришлось мучиться.

К делу отца и двух других приложил руку доносчик из наших же ссыльных. А вскоре мой отец, не выдержав угроз и побоев, подписал протокол с выдвинутыми против него абсурдными обвинениями.

В селе Пудино была только КПЗ (камера предварительного заключения), поэтому вскоре моего отца вместе с другими арестованными отправили по этапу в г. Колпашево, где находилась тюрьма. Им пришлось пешком прошагать по апрельскому бездорожью около 300 километров. Свое семидесятилетие отец встретил на этапе...

В июле его вместе с другим арестованным по тому же делу привели (опять по этапу) обратно в село, так как суд должен был состояться "на месте преступления". Приговор суда гласил: 10 лет лагерей по статье 58 п. 10. Второй арестованный, работавший до ареста юристом, написал обжалование. Когда их вместе с начальником МГБ Иванченко собирались увозить на лодке, тот велел милиционеру отобрать у арестованного бумагу с обжалованием. Милиционеру пришлось применить силу. Он тут же при свидетелях начал рвать бумагу, бросая клочки в воду.

Моего отца отправили сначала в Асиновский лагерь, в котором нам удалось повидать его. Это была наша последняя встреча. Он успел рассказать нам обо всем, что происходило на следствии и в суде. Затем его перевели в лагерь на станции Жарык (в Казахстане), где он провел оставшиеся годы жизни. В лагере он ослеп от катаракты, людей узнавал только по голосу. Конечно, никакого лечения не было. Нам удалось послать ему несколько посылок. Поскольку вести переписку заключенным разрешалось только на русском языке, отцу, чтобы ответить на наши письма, приходилось прибегать к помощи других людей. Так он познакомился с заключенными, которые стали его друзьями. Они рассказывали нам в письмах, как мужественно переносил он все тяготы лагерного существования. До конца срока

оставалось три месяца, но все наши заявления с просьбой о помиловании оставались без ответа.

Моего отца постигла участь миллионов других, ни в чем не повинных людей, погибших в результате преступной деятельности органов безопасности.

Только после войны мы с мужем смогли покинуть село Пудино. Мой муж, врач по профессии, тоже был ссыльным из нашего города. Поженились мы в 46 году. Всю войну муж прожил в Пудино, страшно голодал, потому что не мог устроиться на работу. Заврайздравотделом принципиально отказывалась предоставить работу "ссылному". Сразу после войны ему предложили работу в селе Шегарка, которое пострадало от наводнения в 1942 году. Но пришлось отказаться, так как в селе было очень плохо с жильем и мы не могли снять даже комнату. Тогда-то мы и переехали в Томск, где с помощью профессора Клейтмана нам удалось устроиться на кафедре ортопедической стоматологии томского мединститута.

Институт находился в ведении министерства высшего образования и таким образом мы вышли из-под власти облздравотдела, конечно, с разрешения МГБ. Но это везение длилось недолго. У мужа, ехавшего однажды в переполненном автобусе, выкрали документы, среди которых находилось и разрешение на проживание в Томске. Обратились в милицию, разговаривал с нами сам начальник, который сразу же заявил, что никакого разрешения у нас и быть не могло и что мы немедленно должны выехать в Колпашево. "Чтобы завтра же вашей ноги не было в Томске, — кричал он. — Не забывайте, что вы преступники!" Пришлось нам снова идти в облздрав, который направил нас на работу в Колпашево. Невозможно было отделаться от мысли, что кража документов была подстроена органами.

В Колпашево мы получили квартиру. Муж устроился в поликлинику в отделение малой хирургии, а я сначала попала на малярную станцию, где ставила реакцию Вассермана — случаев заболевания сифилисом после войны было сколько угодно. Заведующая станцией сразу начала преследовать меня. К счастью, при местной поликлинике открылась лаборатория, в которую меня, по распоряжению заведующего горздрава (с благодарностью вспоминаю об этом справедливом человеке), назначили заведующей. До сих пор тепло вспоминаю также об Игоре Леонидовиче Степанове, замечательном человеке и хирурге.

В первые послевоенные годы заметно усилились националистические настроения и, конечно, поднял голову антисемитизм. Вдруг перестали признавать

наши иностранные дипломы. Мужу пришлось уехать в Томск, где он устроился на работу и одновременно готовился к сдаче госэкзаменов. Я же была вынуждена уволиться с работы. Только потом мы узнали, что никто не отменял признание дипломов специалистов из так называемых присоединенных областей.

И все же тогда нам пришлось съехать из казенной квартиры. За небольшую сумму мы приобрели квартиру в бараке Колпашевторга. Этот барак, состоящий из 13 небольших квартирок, находился в непосредственной близости от Оби. Во время весеннего половодья в этом месте под воду ежегодно уходило несколько метров берега. А теперь на месте и нашего барака уже давно плещутся речные волны.

На новом месте мы с мужем завели тогда целое хозяйство: посадили огород, завели кур, коз, поросенка. Через некоторое время мужа взяли на работу на Колпашевскую пристань, где он исполнял обязанности санитарного врача. Родственники и друзья с Запада помогали посылками. Овощами мы обеспечивали себя сами.

Еще во время учебы в Томске у мужа обнаружили злокачественную опухоль. Лечению она не поддавалась и в 1957 г. муж умер.

Оставшись одна, я сначала устроилась в туберкулезный санаторий для взрослых, находившийся в Дачном городке под Томском, где работала у главврача И.Ф. Ивановой, которая признала мой диплом и дала мне квартиру. В 1959 г. перешла на работу в областной костно-туберкулезный санаторий, где главврачом был К.Ф. Благовещенский, один из самых замечательных людей, которых я когда-либо встречала в своей жизни. Он дал мне возможность восстановить мои не востребуемые знания по бактериологии на томской санитарно-эпидемиологической станции. Там я встретила еще одного чудного человека, Елену Арутюновну Вульфсон. После того, как в лаборатории моими усилиями была налажена работа бактериологического и биохимического отделений, Благовещенский направил меня в Ленинград, где в Институте хирургии туберкулеза я получила возможность освоить новую для меня область: бактериологию туберкулеза. По возвращении в Томск я создала лабораторию туберкулеза в том же санатории и начала заниматься научной разработкой темы ^{по} «Обнаружение ^{туберкулезной} палочки при костном туберкулезе». Тогдашний замминистра здравоохранения РСФСР Свирежев, побывав в моей лаборатории, подписал направление в Новосибирский институт туберкулеза, где меня включили в план научной работы. И вот с помощью моих руководителей (в Ленинграде

руководитель лаборатории ЛИХТа В.А. Соловьев, а в Новосибирске — доктор В.В. Кальниц) я успешно защитила диссертацию при Новосибирском мединституте и получила звание кандидата биологических наук.

В 1970 году мы с матерью поехали в Москву хлопотать о реабилитации, которую вскоре и получили, но это мало что изменило в нашем положении. Ездили мы и на родину, в Черновцы, но там местные власти отказали нам в квартире. Вернувшись в Томск, я продолжала работать в Дачном городке. С 1963 года ~~заведующие лабораторией туберкулезного диспансера~~ занимали благоустроенную 2-комнатную квартиру, которую и предоставил нам с мамой К.Ф. Благовещенский.

В июне 1972 года мы с мамой по приглашению родственников поехали в Румынию. Мама к тому времени уже страдала раком яичников. В Румынии ее состояние ухудшилось и после длительного пребывания в больнице, где я постоянно находилась при ней, она умерла.

После смерти мамы я решила не возвращаться домой, а поехала в Германию, где мне довольно быстро удалось устроиться на работу по специальности в берлинском университете. Несмотря на материальную обеспеченность, меня долго мучила совесть: ведь я бросила работу и друзей. Однако то обстоятельство, что я покинула Советский Союз, меня не беспокоило.

За 31 год жизни в Сибири мы, "томичи по несчастью", как называют нас сегодня, многому научились, что и помогло нам выжить в те тяжелые времена. Мы полюбили красоту здешней природы, таежные леса, богатые грибами и ягодами, замечательные по красоте озера, ледоходы на Оби и Томи... И все же я никогда не забывала о том, что нас привезли сюда насильно и что здесь, в сибирском лагере, пришлось погибнуть моему отцу.

Hella Jppen
Heimstr. 131-135
D-14055 Berlin